

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.584.6

П.Л. Гроховский

САНСКРИТ В ТИБЕТЕ: ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ*

Тибетская культура испытала сильное влияние соседних стран — прежде всего, Китая и Индии. Китайская и индийская культуры оказали воздействие на самых разные области общественной жизни Тибета, в том числе и на развитие тибетского литературного языка.

В истории самых разных народов бывает такой момент, когда правители, задумываясь об общем направлении развития национальной государственности и о конкретной его модели, обращают свои взоры на сопредельные страны в поисках образца для подражания.

Был такой момент и в истории Тибета. В VII в., когда Сонгцэн Гампо (тиб. *srong btsan sgam po*, 617–649) размышлял о выборе государственной религии, его внимание привлек буддизм [15. С. 63–77]. Вероятно, можно говорить о том, что у него практически не было выбора: «Тибет в VII в. был практически полностью окружен буддийским миром» [15. С. 75].

Из различных региональных традиций буддизма был избран индийский вариант, и это на многие столетия определило модель культурного развития страны и, в том числе, пути развития тибетского литературного языка.

Естественно, в то время тибетское общество (а значит и культура) находились на принципиально иной ступени развития, и поэтому для того, чтобы хотя бы иметь возможность перевести на тибетский язык буддийские и иные тексты с санскрита, необходимо было предпринять определенные меры, направленные на развитие понятийного аппарата и соответственно лексической системы тибетского литературного языка, а если говорить иначе — выработать новый литературный язык.

Мы можем судить о событиях, происходивших в то время, по их результатам: масштабному корпусу тибетских переводов, выполненных в основном с санскрита и прак-

*В данной статье представлены результаты исследования, проведенного в рамках проекта «Язык и диалог цивилизаций» аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 гг.)».

© П. Л. Гроховский, 2009

ритов, и сгруппированных в два обширных собрания: Кангьюр (тиб. bka' 'gyur, перевод Слова Будды — сутр) и Тенгьюр (тиб. bstan 'gyur, перевод авторских трактатов — шаштр). Исследуя переводы конкретных сочинений и сопоставляя их с оригинальными текстами на классическом или, что чаще, на так называемом «буддийском гибридном санскрите» (термин Франклина Эджертона, обозначающий, собственно говоря, один из пракритов), можно выявить закономерности лексических и терминологических санскритско-тибетских соответствий, особенностей передачи санскритского синтаксиса, некоторых явлений морфологии и т. д.

Однако эта работа осложняется несколькими обстоятельствами, в числе которых прежде всего оказываются: отсутствие подавляющего большинства санскритских оригиналов в связи с тем, что история буддизма в Индии как живой религиозной традиции прервалась благодаря мусульманскому вторжению в XI–XIII вв. и прочим обстоятельствам. Более того, даже в тех случаях, когда мы располагаем текстами на санскрите, носящими то же название, что и тибетский перевод, часто тексты на двух этих языках не соответствуют друг другу полностью, т. к. буддийские тексты, особенно сутры, т. е. проповеди, приписываемые традицией самому Будде, пережили длительный период изустной передачи и записывались впоследствии в разных редакциях. Поэтому многие санскритские тексты, которыми мы располагаем, отличаются от тех санскритских же редакций, с которых были сделаны дошедшие до нас переводы на тибетский язык.

Тем не менее, несмотря на описанные выше объективные сложности, работа по сопоставлению редакций важнейших произведений буддийской канонической литературы на санскрите, тибетском, китайском и иных языках буддийской словесности началась одновременно с возникновением научной буддологии в первой трети XIX столетия и не прекращается до сих пор.

Впрочем, мы располагаем и другими источниками для исследования ранней истории перевода памятников индийского буддийского дискурса на тибетский язык, датирующимися тем же периодом, что и сами переводы. Речь идет о, как минимум, двух справочных изданиях, включенных в состав второй части буддийского канона на тибетском языке — Тенгьюра: словаре индо-тибетских лексических соответствий «Махавьютпатти» (санскр. mahāvūyutpatti, тиб. bye brag tu rtogs byed chen po), содержащим 9492 слова и термина, объединенные в 277 тематических разделов [1]; а также о сборнике обоснований и объяснений 413 из них, объединенных в 50 тематических разделов — «Мадхьявьютпатти» (санскр. madhyavūyutpatti, тиб. bye brag tu rtogs byed 'bring po, sgra sbyor bam po gnyis pa) [3; 7].

Последний памятник снабжен также предисловием, в котором содержатся важнейшие для данного рассуждения сведения о разнообразных обстоятельствах, при которых происходила выработка нового тибетского литературного языка. В колофоне «Мадхьявьютпатти» сообщается о наличии третьего памятника, в название которого также входит слово «вьютпатти»: «Кшудравьютпатти» или «Вачавьютпатти», но мы не располагаем более подробными и достоверными сведениями об этом сочинении и можем предполагать, что в действительности его упоминание объясняется необходимостью трюичной классификации (великий, средний и малый вьютпатти).

Во введении к «Мадхьявьютпатти» сообщается об исторических обстоятельствах составления «Махавьютпатти» и «Мадхьявьютпатти» в соответствии с указом тибетского царя Тисонгдэцэна (возможно, Ралпачэна), перечисляются имена индийских ученых-пандит и тибетских переводчиков-лоцзав, участвовавших в работе редколлегии, а

также приводится текст царского указа, устанавливающего правила перевода буддийских текстов с санскрита на тибетский язык.

Именно эти правила в совокупности с обоснованиями 413 терминов представляют собой интереснейший подлинный материал, анализ которого способен пролить свет на раннюю историю того классического тибетского литературного языка, который употребляется до наших дней.

В тексте царского указа говорится о необходимости правильной передачи смысла и соблюдения норм тибетского языка, о порядке слов, особенностях перевода стихотворных и прозаических произведений, необходимости учета контекста при выборе правильного перевода многозначных санскритских слов, о правилах выбора между переводом и передачей санскритских слов при помощи транслитерации, особенностях перевода числительных, глагольных приставок, использовании синонимов и лексических уровней вежливости, о процедурах введения тибетских эквивалентов для терминов, не включенных в «Махавьютпатти» и «Мадхьявьютпатти», об ограничениях на перевод эзотерических тантрических текстов и в особенности священных формул — мантр и дхарани [7. Р. 278–280].

К сожалению, текст этого бесспорно важнейшего сочинения еще не был исследован достаточно внимательно, и поэтому от его изучения еще можно ожидать важных открытий, способных пролить свет на истоки письменной тибетской буддийской литературной традиции.

Хотя современная наука не располагает полным переводом и исследованием «Мадхьявьютпатти», некоторые наблюдения над лексическими особенностями нового тибетского литературного языка, выработанного в процессе перевода индийского буддийского канона, можно сделать уже сейчас.

Так, в монографии видного американского тибетолога Стивена Бейера «Классический тибетский язык» приводятся сведения о нескольких словообразовательных моделях, использовавшихся переводчиками канона при создании новых лексем для передачи новых понятий [2. Р. 107–111].

Первая из этих моделей выглядит следующим образом: прилагательное + прилагательное > существительное, например: *sdug pa* «мучительный» + *bsngal pa* «изнуренный» > *sdug bsngal* «страдание» (санскр. *duḥkha*) [2. Р. 107–108]. В данном случае лексикализации подвергается сочетание двух прилагательных, выполняющих роль модификаторов отсутствующего главного слова, т. е., мотивировка внутренней формы слова «страдание» в приведенном выше примере такова: страдание — это то, что вызывает мучение и изнурение. Приведем еще один пример: *bsod pa* «приятный» + *snyoms pa* «равно распределенный» > *bsod snyoms* «сбор монашеского подаяния» (санскр. *piṇḍa, piṇḍa-pāta*) [2. Р. 108].

Особый интерес при рассмотрении данной модели вызывает то обстоятельство, что выбор мотивировки вовсе не был случайным, а опирался на этимологию санскритского слова, которая впрочем, носила весьма своеобразный характер. Подобные модели этимологизации не имели никакого отношения к научной лингвистической этимологии. Их следовало бы отнести к случаям проявления так называемой «народной этимологии», если бы не то обстоятельство, что в их основе лежало вовсе не стремление не понимающих истинного значения слова носителей языка найти в нем хоть какой-то смысл, а значительно более схоластические соображения индийских комментаторов приписать компонентам данного слова дополнительные значения, что дало западному

исследователю Дейвиду Сейфорт-Руэггу основание называть этот вид этимологии «герменевтическим» [6. Р. 118].

Толкования подобных тибетских эквивалентов санскритских терминов, приводимые в справочнике «Мадхьявьютпатти», часто содержат развернутые обоснования схожих герменевтических этимологий. Так, например, регулярным соответствием санскритского слова *arhān*, буквально означающего «достопочтенный», в тибетском языке является *dgra bcom pa*, что переводится как «победивший врагов». Естественно, выбор такого эквивалента для перевода санскритского слова *arhān* объясняется соображениями, не имеющими отношения к лингвистике, но продиктованными потребностями буддийской религии, а именно следующей санскритской этимологией, приведенной в соответствующей статье «Мадхьявьютпатти»: *kleśārīn hataṅgān arhān*: «Архат — так как победил (*√han*) своих врагов (*arī*) — клеши (страсти, аффекты, помрачения)» [2. Р. 144].

При этом любопытно, что санскритское слово обладает многомерным значением: на обыденном уровне, доступном всем носителям языка, оно этимологизируется по правилам языка и имеет значение «достопочтенный», а на уровне буддийской терминологии, доступном посвященным адептам, приобретает второе — но при этом главное — значение «победивший помрачения».

В тибетском языке ситуация принципиально отлична: тибетский термин *dgra bcom pa* однозначно этимологизируется как «победивший помрачения» как с религиозной, так и с сугубо языковой точки зрения, а значение «достопочтенный» отходит на второй план и становится доступно лишь тем носителям тибетского языка, которые знакомы с санскритом или хотя бы с соответствующим толкованием в составе «Махавьютпатти».

Приведем еще несколько примеров. Обоснованием тибетского эквивалента санскритского слова *buddha* являются следующие этимологические толкования: *mohanidrāpagaṃāt prabuddha-puruṣavat* — «Он подобен человеку, который пробудился (*prabuddha*), так как его сон неведения рассеялся» — и *buddher vikasanād buddhaḥ vibuddhapadmavat* — «Он — Будда, так как его сознание (*buddhi*) открылось как распустившийся цветок лотоса (*vibuddha*)»: *sangs pa* «пробужденный» + *rgyas pa* «пространный» > *sangs rgyas* «Будда» (санскр. *buddha*) [2. Р. 143–144].

В случае с санскритским словом *bhagavan* («Благой», один из самых распространенных эпитетов Будды) используется этимология *bhagnamāracatuṣṭayātīvād bhagavān* — «Он — Бхагаван, так как он победил (*bhagna*) четыре препятствия». Таким образом, *bhaga* переводится на тибетский язык не словом *legs pa* («благо»), как это происходит в других случаях, а словом *bcom* («победил»). Санскритский суффикс обладания *-vant* передается по-тибетски словом *ldan* («обладать»), и образуется двусложное сочетание *bcom ldan* («обладающий победой»). Однако к двум этим слогам добавляется третий: *‘das* («вышедший за пределы»), не имеющий опоры собственно в форме санскритского слова. Причиной его добавления является необходимость отличить Будду — победителя, «вышедшего за пределы сансары» (санскр. *lokottara*, тиб. *‘jig rten las ‘das pa*), от всех остальных победителей в обыденном, мирском смысле. Таким образом, официальным тибетским эквивалентом термина *bhagavan* становится слово *bcom ldan ‘das* («Победивший [препятствия] и покинувший [сансару]») [2. Р. 144].

Тибетский перевод санскритского слова *ṛṣi* («аскет, отшельник») объясняется этимологией: *kāyovagmanobhir ṛjuḥ śeteiti ṛṣiḥ* — «Он — риши, так как его тело, речь и сознание пребывают в праведности и прямооте (*ṛju-√śi*)»: *drang po* «вертикальный» + *srong pa* «прямой» > *drang srong* «отшельник» (санскр. *ṛṣi*) [2. Р. 144].

Санскритский термин *puḍgala* (личность, человек) объясняется следующим образом: *pūḡyate galate caiva puḍgala* — «Это — пудгала, так как оно заполнено ($\sqrt{pūr}$) и истекает скверной (\sqrt{gal}): *gang pa* ~ *gang po* «полный» + *zag pa* «скверна» > *gang zag* «человек, личность» (санскр. *puḍgala*) [2. P. 144].

Одному и тому же слову может быть дано и несколько альтернативных объяснений. Характерным примером является слово *sugata* («Достигший блага», также эпитет Будды): С одной стороны, *śobhanagataḥ surūpavat* — «Он — Сугата (*legs par gshegs pa*), так как сделался красив, подобно красивому человеку»; *arunārāvṛṭṭyāgataḥ sugataḥ sunaṣṭajvaravat* — «Он — Сугата (*legs par gshegs pa*), так как ушел, чтобы никогда не возвращаться, подобно хорошо излеченному недугу»; *yāvadvantavyagamanāt* — «Он — Сугата (*legs par gshegs pa*), так как ушел настолько далеко, насколько возможно, подобно тому, как сосуд полностью наполнен». С другой стороны, в сочинении «Дхармаскандха» сказано: *sugata iti sukhito bhagavān svargataḥ avyathitadharmasamanvāgataḥ tad usyate sugataḥ* — «Бхагаван обрел небесное блаженство; он лишен страданий и обладает свойством отсутствия страдания». Поэтому этот термин можно перевести как *bde bar gshegs pa* («тот, кто достиг блаженства») или *bde bar brnyes pa* («тот, кто обрел блаженство»). Из этих двух выбран вариант *bde bar gshegs pa*, так как он традиционно принят и согласуется с текстом «Дхармаскандхи» [2. P. 144–145].

Вторая словообразовательная модель не имеет таких особенностей и представляет собой простую кальку санскритской словообразовательной модели: существительное + глагол > существительное, например: *chos* «учение» + *skyong* «защищать» > *chos skyong* «хранитель учения» (санскр. *dharmapāla*); *bdud* «препятствие» + *‘dul* «преодолевать» > *bdud ‘dul* «побеждающий препятствия» (санскр. *mārajit*); *gnod* «вред» + *sbyin* «давать» > *gnod sbyin* «разновидность демонов» (санскр. *yakṣa*); *dge* «подавание» + *slong* «просить» > *dge slong* «монах» (санскр. *bhikṣu*); *sku* «тело» + *bsrungs* «защищать» > *sku bsrungs* «телохранитель» (санскр. *‘tālavarga*); *don* «цель» + *grub* «достигать» > *don grub* «достигший цели» (санскр. *siddhārtha*); *rtsod* «сомнение» + *med* «отсутствие» > *rtsod med* «лишенный сомнений» (санскр. *nirdvandva*) [2. P. 108–109].

Третья словообразовательная модель, характерная для тибетских лексических калек с санскрита, носит отпечаток своеобразия морфологии санскритского глагола, изначально совершенно чуждого тибетскому языку: интенсификатор + глагол > глагол, например: *mngon par* «явно» + *‘byung* «выходить» > *mngon par ‘byung* «покидать дом, чтобы стать монахом» (санскр. *niṣ-√kram*); *mngon par* «явно» + *shes* «знать» > *mngon par shes* «знать при помощи сверхъестественных способностей» (санскр. *abhi-√jñā*); *rnam par* «особенно» + *shes* «знать» > *rnam par shes* «сознавать» (санскр. *vi-√jñā*); *rnam par* «особенно» + *rtog* «знать» > *rnam par rtog* «создавать ментальные конструкты» (санскр. *vi-√kṛp*); *so sor* «по отдельности» + *rtog* «знать» > *so sor rtog* «точно знать» (санскр. *pratyava-√ikṣ*); *so sor* «по отдельности» + *mnyan* «слушать» > *so sor mnyan* «отвечать» (санскр. *prati-√śru*); *rab tu* «высоко» + *gnas* «находиться» > *rab tu gnas* «освящать» (санскр. *prati-√sthā*); *rab tu* «высоко» + *sbyor* «соединять» > *rab tu sbyor* «практиковать» (санскр. *pra-√yuj*); *rab tu* «высоко» + *‘byung* «выходить» > *rab tu ‘byung* «покидать дом, чтобы стать монахом» (санскр. *pra-√vraj*); *rjes su* «вслед» + *byed* «делать» > *rjes su byed* «подражать» (санскр. *anu-√kr*); *rjes su* «вслед» + *‘dzin* «держат» > *rjes su ‘dzin* «заботиться» (санскр. *anu-√grah*); *rjes su* «вслед» + *dran* «помнить» > *rjes su dran* «практиковать созерцательную осознанность» (санскр. *anu-√smṛ*); *nye bar* «близко» + *‘jog* «класть» > *nye bar ‘jog* «применять» (санскр. *upa-√sthā*) [2. P. 110].

Корень санскритского глагола способен присоединять приставки, которые порой не оказывают существенного влияния на семантику глагола, порой меняют ее незначительно, а порой — самым коренным образом, притом что исконно тибетской морфологии глагольная префиксация несвойственна. В последующем переведенные на тибетский язык глаголы с приставками могут быть номинализованы: *so sor thar pa*: «индивидуальное освобождение» > «монашеский устав» (санскр. *prātimokṣa*), *rjes su drag pa*: «последовательное измерение» > «логическое заключение» (санскр. *anumāna*), *gnam par smin pa*: «особенное созревание» > «кармическое воздаяние» (санскр. *vipāka*) [2. P. 110–111].

Следующим этапом в жизни лексического новообразования может быть его лексикализация в сокращенной двусложной форме после выпадения служебных формантов: *gnam par shes pa* > *gnam shes* — «сознание» (санскр. *viścāna*), *gnam par rtog pa* > *gnam rtog* — «ментальное конструирование» (санскр. *vikalpa*), *nye bar 'jog pa* > *nyer 'jog* — «применение» (санскр. *upasthā*), *rab tu gnas pa* > *rab gnas* — «освящение» (санскр. *pratiṣṭhā*), *mngon par shes pa* > *mngon shes* — «сверхъестественные способности» (санскр. *abhijñā*), *so sor thar pa* > *so sor thar* — «монашеский устав» (санскр. *prātimokṣa*), *gnam par smin pa* > *gnam smin* — «кармическое воздаяние» (санскр. *vipāka*), *rjes su drag pa* > *rjes drag* — «логическое заключение» (санскр. *anumāna*) [2. P. 111].

Таким образом, в процессе перевода буддийских текстов на тибетский язык изменился (или обогатился) словообразовательный блок морфологии тибетского языка.

Все это позволяет говорить о существенных особенностях языка тибетских переводов с санскрита (известный немецкий индолог и тибетолог Михаэль Хан использует даже такой англоязычный термин, как *Translationese* — переводной [тибетский язык], письмо от 17.12.2003), но многие особенности, проникшие в тибетский язык благодаря переводам, сохранились в нем и при создании уже автохтонных текстов на новом тибетском литературном языке.

Влияние, обусловленное многочисленными переводами с санскрита культуроформирующих текстов, естественно, не ограничивалось формированием лексического уровня нового тибетского литературного языка, но было связано и с содержанием этого корпуса текстов, и их дискурсом, также новым для тибетской культуры.

Как уже было сказано выше, буддийские канонические тексты, переведенные на тибетский язык в основном с санскрита, но также и с китайского, хотано-сакского, уйгурского и других языков, были объединены в два собрания: Кангьюр и Тенгьюр.

Согласно существующим исследованиям тибетского Кангьюра, различные его редакции включают в себя от 780 до 1114 самостоятельных сочинений, которые объединяются в различное количество разделов (от шести до тринадцати) и публикуются в различном количестве томов (от 100 до 108) [11. С. 38–41, 54–57].

В Кангьюр входят переводы текстов проповедей, приписываемых буддийской традицией самому Будде Шакьямуни, которые условно можно разделить на три вида: тексты по Винае (санскр. *vinaya*, тиб. *'dul ba*, буддийский монашеский дисциплинарный устав), сутры (санскр. *sūtra*, тиб. *mdo*, изложение учения буддизма Махаяны) и тантры (санскр. *tantra*, тиб. *rgyud*, изложение учения тантрического буддизма Ваджраяны).

Модели текстов, входящих в Кангьюр, не использовались в Тибете для создания самостоятельных произведений: тибетских апокрифов, приписываемых Будде Шакьямуни, не существует, в отличие от Китая. Они служили в качестве фундамента буддийской религиозной культуры Тибета: сформулированные в них доктрины развивались

в самостоятельных произведениях тибетских авторов, к ним применялись процедуры цитирования, сокращенного изложения и пр.

Редакции Тенгьюра включают в себя от 3403 до 3459 самостоятельных сочинений, которые объединяются в различное количество разделов (от двух до восемнадцати) и публикуются в различном количестве томов (224–225) [11. С. 42–46, 57–58].

Большинство сочинений, входящих в состав Тенгьюра, могут быть отнесены к жанру шастр (санскр. śāstra, тиб. bstan bcos, трактаты, или комментарии к Слову Будды), но тематика их достаточно разнообразна. В состав Тенгьюра входят гимны, комментарии к различным сочинениям Кангьюра, письма и послания, а также произведения, посвященные различным буддийским наукам [11. С. 58; 14].

Концепция восемнадцати или десяти наук (санскр. vidyasthāna, тиб. rig pa'i gnas, букв. «область знаний») была заимствована тибетцами в Индии вместе с текстами, относящимися к этим наукам. Более распространенным является деление на десять наук: пять великих и пять малых [11. С. 81–89].

К числу великих наук (тиб. rig gnas che ba lnga) относятся: 1) санскр. adhyātma-vidyā, тиб. nang gi rig pa — «внутренняя наука», т. е. изучение различных религиозно-философских доктрин буддизма (в нартанском издании — 181 том из 224, около 2300 сочинений); 2) санскр. hetu-vidyā, тиб. gtan tshigs kyi rig pa «логика» (21 том, 61 сочинение); 3) санскр. śabda-vidyā, тиб. sgra'i rig pa «наука о звуках» (состоящая из знаний о произнесенных и произнесенных звуках — последние относятся к области грамматики; 4 тома, 48 сочинений); 4) санскр. cikitsā-vidyā, тиб. gso ba'i rig pa «медицина» (5 томов, 7 сочинений); 5) санскр. śilpakarmasthāna-vidyā, тиб. bzo gnas kyi rig pa, «ремесла» (1 том, 41 сочинение) [11. С. 58, 89–109].

К числу малых наук (тиб. rig gnas chung ba lnga) относятся: 1) санскр. kāvyā, тиб. snyan ngag «поэтика»; 2) санскр. abhidhāna, тиб. mngon brjod «синонимия»; 3) санскр. chandam, тиб. sdeb sbyor «просодика»; 4) санскр. jyotiṣa, тиб. skar rtsis «астрология»; 5) санскр. naṭa, тиб. zlos gar «драматургия / хореография» [11. С. 110–112].

Кроме того, в состав Тенгьюра входят переводы восьми индийских дидактических стихотворных трактатов-нитишастр (санскр. nitiśāstra, тиб. lugs kyi bstan bcos), а также ряда писем или посланий (санскр. lekha, тиб. 'phrin yig) [11. С. 112–125].

Таким образом, проанализировав структуру и содержание Кангьюра и Тенгьюра, составленных в Тибете из переводов главным образом с санскрита, которые были выполнены в высшей степени систематическим образом в соответствии с коллективно выработанными принципами перевода и лексикографическими справочниками, можно вслед за отечественной исследовательницей В.С. Дылыковой сделать следующие выводы: «Тибетский канон не только отразил культуру буддийской Индии во многих ее аспектах, но и оказал огромное влияние на социальную и духовную жизнь тибетского общества, на выработку стереотипов поведения и мышления тибетцев. Он оказал также решающее воздействие на становление и развитие тибетской традиционной литературы, послужив отправной точкой для формирования ее жанров и сцементировав их идеологией буддизма» [12. С. 210–211].

Необходимо отметить также, что помимо сочинений, вошедших в состав двух канонических сборников на тибетском языке, с санскрита на тибетский также были переведены такие памятники индийской повествовательной литературы как «Панчатантра», «Хитопадеша», «Двадцать пять рассказов Веталы», «Жития восьмидесяти четырех сидхов», «Облако-вестник» Калидасы, «Рамаяна» и другие сочинения, ставшие неотъемлемой частью не только индийской, но и тибетской литературы.

Именно эту особенность тибетской письменной культуры имеет в виду отечественная исследовательница А.Д. Цендина: «Тибетская литература удивляет прежде всего тем, что она исключительно зависима от древней индийской словесности. Какое произведение, содержащее элементы художественности, ни возьмешь, оно, за редким исключением, написано на сюжет индийского происхождения. Индийское влияние сказалось и на стилистике тибетской литературы» [15. С. 171].

Однако следует сказать, что влияние индийской культуры проявлялось не только в заимствовании жанров и конкретных произведений, но и в формировании собственно тибетских жанров, которые, впрочем, не могли бы возникнуть без корпуса текстов и понятий, полученных от индийцев.

Общая схема системы жанров тибетской литературы, предлагаемая авторами коллективной монографии «Тибетская литература: система жанров», включает в себя как переводные, так и оригинальные компоненты, подавляющее большинство которых не могли бы появиться без индийского влияния. Приведем в качестве примеров такие жанры, как история учения (тиб. chos 'byung), житийную литературу (тиб. rnam thar), списки полученных наставлений (тиб. gsan yig), руководства по ведению религиозного диспута (тиб. yig cha), тексты о ступенях пути пробуждения (тиб. lam rim), устные наставления (тиб. gdams ngag), различные виды ритуальных текстов [8. Р. 30–31].

Таким образом, не только язык Древней Индии — санскрит — оказал существенное влияние на различные компоненты тибетского литературного языка, сформировавшегося во многом благодаря переводам с санскрита и в их процессе, но и внушительный корпус переведенных текстов определил пути развития тибетской письменной культуры и словесности. Классификация предметов и способов описания (о чем и как писать) легла в основу функциональных жанров оригинальной тибетской литературы.

Представляется, что особое внимание стоит обратить на те сочинения, входящие в состав Тенгьюра, которые имеют непосредственное отношение к грамматике и поэтике. Тибетцы заимствовали у древних носителей индийской культуры не только систему понятий, отразившуюся прежде всего в лексике, не только систему жанров, определившую пути развития тибетской литературы в целом, но и базовые принципы научного изучения языка и литературы, положив их в основу традиционного тибетского языкознания, стилистики, лексикографии и других компонентов филологического знания.

Как уже говорилось выше, в состав Тенгьюра входят тибетские переводы 47 древнеиндийских лингвистических трактатов, посвященных таким лингвистическим предметам, как: фонология, морфология, морфонология, синтаксис, семантика классического санскрита, в частности: глагольным приставкам, именному склонению и словообразованию, глагольному спряжению, семантике отрицания, глагольным корням (санскр. dhātupāṭha).

Изложение в этих трактатах следует, главным образом, санскритским грамматическим системам «Катантра» (санскр. Kātantra) и «Чандра» (санскр. Cāndra), менее сложным, чем грамматика Панини, и наиболее популярным среди индийских буддистов. Однако среди них есть и тексты, принадлежащие к традициям грамматик Панини и «Сарасвата» (санскр. Sārasvata). Среди этих 47 сочинений есть как базовые тексты этих древнеиндийских лингвистических традиций, так и комментарии к ним. 23 из них упоминаются уже в двух каталогах Тенгьюра XIV в., еще 24 названия появляются лишь в изданиях Тенгьюра XVIII в. [9. Р. 46–84, 109–137].

История изучения санскритской грамматики в Тибете освещается в таких извест-

ных памятниках тибетской историографии, как «Описание всех наук» (тиб. *shes bya kun khyab*) Конгтул Лодротхайе (тиб. *kong sprul blo gros mtha' yas*) и историях учения (тиб. *chos 'byung*) Бутон Ринчендуба (тиб. *bu ston rin chen grub*) и Таранатхи Кунганьингбо (тиб. *tāranātha kun dga' snying po*) [9. Р. 166–202].

Однако не все сочинения на тибетском языке, рассматривающие проблемы санскритской грамматики, были переводными. Голландский исследователь Питер Верхаген выделяет в составе тибетского Тенгьюра 6 сочинений, написанных тибетскими авторами и связанных с грамматикой санскрита. Одним из них он считает уже упомянутый выше терминологический санскритско-тибетский словарь «Махавьютпатти» [10. Р. 5–28, 37–57].

П. Верхаген также приводит подробные сведения о 40 сочинениях, написанных тибетскими авторами и связанных с грамматикой санскрита, но не входящих в состав Тенгьюра [10. Р. 29–36, 58–101, 140–202]. В некоторых из них затрагиваются и вопросы грамматики тибетского языка (в основном в сопоставлениях с санскритом).

Существуют также 15 тибетских переводов санскритских грамматических сочинений, не включенных в состав Тенгьюра. Среди них есть как новые редакции переводов, входящих в Тенгьюр, так и переводы других текстов [10. Р. 102–139].

Сочинения, написанные тибетскими авторами о грамматике тибетского языка, следуют традициям санскритских грамматиков. Первыми тибетскими трактатами о тибетском языке являются произведения, приписываемые легендарному создателю тибетской письменности Тхонми Самбхоте, — «Сумчупа» (тиб. *sum su pa*) и «Тагкичжугпа» (тиб. *rtags kyi 'jug pa*). Анализу индийских грамматических концепций, используемых авторами традиционных описаний тибетской грамматики, посвящена обширная литература [10. Р. 214–322; 13; 4; 5].

В числе особенностей традиционных тибетских грамматиков, сближающих их с традиционным индийским языкознанием, упоминается использование индийской грамматической терминологии и объяснительных моделей для описания фонологических, морфологических и синтаксических явлений тибетского языка, подражание стилистике и композиции древнеиндийских грамматических трактатов.

В то же время, лингвистическая мысль тибетских авторов не ограничивалась использованием готовых концепций, заимствованных в индийских грамматических системах. К сожалению, недостаточная степень изученности памятников традиционной тибетской грамматики не позволяет уверенно охарактеризовать степень новаторства традиционных тибетских грамматиков по сравнению с их индийскими предшественниками.

Также малоизученным на сегодняшний день остается процесс внедрения в тибетскую традиционную культуру концепций древнеиндийской поэтики и их творческого переосмысления. Бесспорным фактом является лишь то, что один из главных индийских трактатов «Зерцало поэзии» (санскр. *kāvyaśāstra*, тиб. *snyan ngag me long*) Дандина (санскр. *daṇḍin*, тиб. *dbuug pa can*), описывающий важнейшие категории санскритской поэтики (такие как «украшения», «достоинства» и «недостатки») был переведен на тибетский язык, включен в состав Тенгьюра и оказал колоссальное влияние на развитие тибетской литературной стилистики, неоднократно становясь предметом комментирования тибетских авторов [11. С. 110–111]. Практическое изучение санскрита, индийских грамматических концепций и индийской поэтики были весьма популярны у представителей интеллектуальной элиты тибетского общества, прежде всего у иерар-

хов тибетской буддийской церкви (в частности, одним из поклонников традиционных индийских филологических наук и автором сочинений на соответствующие темы был Великий Пятый Далай Лама Нгаванг Лосанг Гьяцо (тиб. ngag dbang blo bzang rgya mtso, 1617–1682).

Таким образом, можно утверждать, что санскрит стал для тибетской культуры не только источником собственно языкового влияния, но и средством заимствования из древнеиндийской общественной жизни значительного количества культурных моделей, связанных как с развитием тибетской письменной словесности, так и с формированием специальных областей научного знания, в том числе таких направлений традиционной филологической науки, как языкознание и поэтика.

Литература

1. A New Critical Edition of the MAHĀVYUTPATTI. Sanskrit-Tibetan-Mongolian Dictionary of Buddhist Terminology. Ed. Yumiko Ishihama, Yoichi Fukuda. The Toyo Bunko, 1989. (Studia Tibetica, N 16, Materials for Tibetan-Mongolian Dictionaries, Vol. 1). 40 + 460 p.
2. Beyer S.V. The Classical Tibetan Language. New York, 1992. xxvi + 503 p.
3. Ishikawa M. A Critical Edition of the Sgra sbyor bam po gnyis pa. An Old and Basic Commentary on the Mahāvūyutpatti. The Toyo Bunko, 1990. (Studia Tibetica, N 18, Materials for Tibetan-Mongolian Dictionaries, Vol. 2). 13 + 137 p.
4. Miller R.A. Prolegomena to the First Two Tibetan Grammatical Treatises. Wien, 1993. (Wiener Studien zur Tibetologie and Buddhismuskunde, Ht. 30). 252 p.
5. Miller R.A. Studies in the Grammatical Tradition in Tibet. Amsterdam, 1976. (Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science. Series III — Studies in the History of Linguistics, Vol. 6). XIX + 142 p.
6. Seyfort Ruegg D. Sanskrit-Tibetan and Tibetan-Sanskrit Dictionaries and Some problems in Indo-Tibetan philosophical Lexicography // Lexicography in the Indian and Buddhist Cultural Field. Proceedings of the Conference at the University of Strasbourg 25 to 27 April 1996. Munich, 1998. P. 115–141.
7. Simonsson N. Indo-tibetische Studien, Die Methoden der tibetischen Übersetzer, untersucht im Hinblick auf die Bedeutung ihrer Übersetzungen für die Sanskrit — Philologie. Uppsala, 1957. 291 p.
8. Tibetan Literature — Studies in Genre: Essays in Honor of Geshe Lhundrup Sopa / Ed. by J.I. Cabezón, R.R. Jackson. New York, 1996. 549 p.
9. Verhagen P.C. A History of Sanskrit Grammatical Literature in Tibet. Vol. I. Transmission of the Canonical Literature. Leiden, 1994. (Handbuch der Orientalistik, Abt. 2, Indien, 8.1). xvi + 355 p.
10. Verhagen P.C. A History of Sanskrit Grammatical Literature in Tibet. Vol. II. Assimilation into Indigenous Scholarship. Leiden, 2001. (Handbuch der Orientalistik, Abt. 2, Indien, 8.2). xii + 454 pp.
11. Введение в изучение Ганчжура и Данчжура. Историко-биографический очерк. Новосибирск, 1989. 199 с.
12. Дылыкова В.С. Тибетская литература. Краткий очерк. М., 1986. 240 с.
13. Иванов Вяч. В.с. Тибетская грамматическая традиция в соотношении с санскритской (опыт комментария) // История лингвистических учений. Средневековый восток. Л., 1981. С. 177–201.
14. Пубаев Р.Е. Об изучении источников по средневековым наукам на тибетском и монгольском языках в Бурятии // Источниковедение и текстология памятников средневековых наук в странах Центральной Азии. Новосибирск, 1989. С. 9–23.
15. Цендина А.Д. ...И страна зовется Тибетом. М., 2002. 304 с.